Сметанкина Людмила Васильевна
д-р филос. наук, профессор
ФГКВОУ ВО «Военная академия связи
им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного»
г. Санкт-Петербург
Шабанов Лев Викторович
д-р филос. наук, профессор, доцент
ФГКВОУ ВО «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова
институт войск национальной гвардии Российской Федерации»
г. Санкт-Петербург

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КРЕАТИВНОГО КЛАССА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация*: авторы статьи обращают внимание на креативный класс в контексте российских модернизаций, его адаптивность, значимость и потенциал в решении актуальных проблем современного российского общества.*

Ключевые слова*: модернизация, мобилизационная модернизация, креативный класс, государство, творческая личность, интеллигенция.*

Современное развитие российского общества следует в направлении решения накопившихся проблем с учетом предшествующего опыта. Эту задачу, ввиду молчаливости общества, взяло на себя, как всегда, государство. В его распоряжении власть и авторитет. Какой же должна быть модернизация сегодня, традиционной, направленной на упрочение государственной власти, или креативной, актуализирующей творческий потенциал общества? Можно ли рассчитывать на творческих (сохранивших пассионарный дух, несмотря на войны и исторический драматизм), креативных личностей в этом процессе, смогут ли они противостоять обществу масс и изменить его?

Исторически сложившийся образ творческого человека (понятие «творческая личность» не ограничивается кругом интеллигенции – социокультурным феноменом, обладающим не только знаниями и профессиональным мастерством,

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

но и ориентированным на определенное бытие в пространстве нравственных ценностей, несущим обществу нравственно-просветительскую истину) в России связан не столько с духовным созиданием, сколько с внутренней свободой (Н.А. Бердяев отмечает: «Россия – страна безграничной свободы духа…» [1]), не монетарно оценивается. Он далек от реально происходящего, его беспокоит абстрактная будущность, а не данность, скорее он асоциален, чем надсоциален, т.е. творческая личность выходит за рамки повседневности, запуская режим автономности морально-духовного существования, при этом не всегда с счастливым исходом.

В жизни российского общества интеллигенция никогда не занимала главенствующего места. Яркой метафорой либеральной интеллигенции середины XIX в. является образ маленькой собачки Муму из одноимённого рассказа И.С. Тургенева (1854 г.). Народ, который у А.С. Пушкина безмолвствует, здесь вообще глухонемой (Герасим), поэтому правительство (барыня) со своими вороватыми чиновниками (дворецкий Гаврила) делают с народом что хотят. Муму (либеральная интеллигенция) любит народ и привязана к нему буквально щенячьей любовью, но народ глух и нем к этой любви, которая заканчивается в буквальном смысле – на дне. Образ либерального интеллигента (старший Верховенский у Ф.М. Достоевского («Бесы»); дворянин Подозеров у Н.С. Лескова («На ножах»)). Однако настоящий образ (сложно дифференцированный, отражающий отрицательные характеристики наряду с положительными) творческой интеллигенции был дан чередой героев коротких рассказов А.П. Чехова, который, кстати, возвращает свою Каштанку, прыгающую под команды клоуна-немца, обратно в народную среду жителей посада. Изменение русской жизни в лучшую сторону Чехов связывает не с интеллигенцией, по его мнению, интеллигент не станет ни обвинять, ни преследовать, он озабочен проблемами свободы духа, посредством которых, невзирая на их отдаленность, социальные идеалы воплощаются, а с отдельными личностями: «Я верю в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям – интеллигенты они или мужики, в них сила, хотя их и мало. Несть праведен пророк

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука всегда продвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер…» [2, с. 101].

Надо сказать, что критика власть предержащих и образы будущего творческой интеллигенции в России были скорее идеалистическими рассуждениями (например, сборник «Вехи», его авторы видели в интеллигенции класс, от которого зависит будущее России – ее судьба), нежели какой-то ясной социальной позицией. Вероятно поэтому свои мечты о «власти достойных» никто из представителей «креативного класса 1905–1917» так и не попытался воплотить в жизнь, яркий пример тому осень 1917 года, один из решающих периодов в истории государства. Великая Октябрьская социалистическая революция оказалась незамеченной, а впоследствии проклятой огромным количеством писателей и поэтов Серебряного века (пример отрывки из стихов Ф. Сологуба, З. Гиппиус о революции:

Не вынесешь позора
Проклятых наших дней,
От нас уйдешь ты скоро, –
Так уходи скорей [5],

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно жить!
Лежим, заплеваны и связаны
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам [3]),

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

которые, призывая народ к свободе и проклиная унылый мещанский мир, оказались совершенно не готовы даже стоять в очередях с карточками на хлеб (опять же Ф. Сологуб, враждебно отнесшийся к октябрьским событиям, какое-то время продолжал писать просветительские статьи, но творить на паек не смог и, недолго сопротивляясь действительности, запросил советское правительство разрешения выехать за границу, получил его, обстоятельства не позволили эмигрировать. А вот З. Гиппиус в 1919 г. благополучно бежала, во Франции она продолжила переживать о судьбе России, кричать правду). Были и те, кто, не сопротивляясь ненавистному режиму, спокойно сдали жизнь (Н. Гумилев «… не любил большевиков. Но даже они не могли поставить ему в вину ничего, кроме «стилистической» отделки каких-то прокламаций, не им даже написанных. Его убили ради наслаждения убийством вообще…» [6]).

Декларируемые идеи оставались таковыми, интеллигенция открыто не посягала на критикуемые ею устои и не сопротивлялась, когда власть в тот или иной исторический отрезок пыталась указать ей место. За что себя периодически подвергала уничижительной критике (не важно, исходящей от царей или центрального комитета) и даже боролась с собственной компрадорской позицией (завидуя тем, кто сбежал из «совдепии» на сытый Запад и кого выслали из России на «философских пароходах»).

Постепенно социальное творчество угасало, изменяясь в стороны солипсизма и идеалистических поисков подобия некоего синтеза между человеком коллективным (как общественно-ценной единицей) и ярко индивидуализированным человеком (как самоценностью), т.е. творческая личность обозначала свою позицию, демонстрируя претензии на преодоление обыденности без расхождений с инструментальным взглядом на сложившиеся социальные институты и угодные социальные типы личности. Как только общество переживало кризис, консолидировалось и самоорганизовывалось население, интеллигенция, ввиду отсутствия социального авторитета, выступала за самоизоляцию от всего.

Самый жестокий приговор этой позиции был вынесен М.А. Булгаковым в повести «Собачье сердце», когда перед нами предстаёт довольно странная

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

череда творческой и технической интеллигенции. Чистоплюй профессор Преображенский создаёт «нового культурного человека», о котором мечтали социалисты-утописты, – Полиграфа Полиграфовича. Сам персонаж, созданный из обыкновенной бродячей собаки (может быть, внучки чеховской Каштанки), всегда и везде заявляет о собственной ценности, при этом ничем не занят и ничего не делает полезного до тех пор, пока Швондер не устроил его в «Главочистку», где товарищи Шарикова креативно делали из кошек белок. Однако претензии Шарикова на права заканчиваются обратной операцией и возвращением главного персонажа в состояние Муму. Все претензии на власть в стране для творческой интеллигенции завершились с романом Булгакова «Мастер и Маргарита», где он напоминает читателю главный вопрос: «если Бога нет, то всё позволено?» (парафраз из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»).

С этого момента, уже не претендуя на власть, находясь к ней в оппозиции, интеллигенция фокусировала свой потенциал исключительно в поле нравственных ценностей. Предлагаемые творческие проекты носили имитационный характер, как только государство устранялось от решения социально значимых задач либо ослабляло свое влияние на общество, сфера социальной стихийности катастрофически расширялась, групповой эгоизм брал верх. Всякий раз возвращение на общественную арену всемогущего государства в лице властной элиты – обладательницы монополии на преобразования и вмешательство в жизнь общества, группы, консолидирующей инертную массу, для которой общество – объект авторитетного воздействия, подтверждало незрелость общества (homo soveticus сочетал в себе социальный энтузиазм с «дозволенной» инициативностью, с вождизмом, с унифицированностью человеческих проявлений (Е. Куликов в песне «Как все» отразил это: «Все мы привыкли, надо признаться, из серой массы не выделяться. Как все, мы как все. Все в нашей жизни было прекрасно, голосовали единогласно… Ход не давая идеям талантов, сами себя утопили в стандартах…»), отсутствие альтернативности выборов.

Творческая элита воспроизводила групповые интересы, а не новые прогрессивные социальные проекты. Она всегда была далека от народа, не видела в нем

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

самостоятельного субъекта, способного самоорганизоваться без участия государства (творчество и массовые социальные практики разделены), следовательно, не воспринимала народ как ресурс, с помощью которого можно реализовать свои идеи, в отличие от государства, умело выдававшего свои социальные приоритеты за всеобщие. И новая ассоциация, данная в повести Г. Троепольского «Белый Бим Чёрное ухо»: правильный сеттер «должен быть обязательно чёрный, с блестящим синеватым отливом – цвета воронова крыла, и обязательно с чётко отграниченными яркими отметинами», но щенок родился «бракованным». Интеллигенция, проигрывая прагматичной власти, довольствовалась внутренней свободой, отказавшись от общезначимой деятельности, демонстрируя социальную апатию, атрофию чувства гражданской ответственности, придерживаясь убеждения «ничего не изменить».

Насколько это устраивало государство? – не надо ли было идти на существенные преобразования (административные) и переопределения (общественных ценностей, мотиваций и т. д.) общих целей страны и главного титульного народа державы, который на своих плечах вынес тяготы великой войны? Модернизация воспринималась как исключительное право «персонифицированного государства» мобилизовать подвластный ему народ для участия в проектах, исключая апелляцию к его знаниям и инициативности, чтобы перемены не нарушали сложившийся социальный порядок и не посягали на властные привилегии. Очень чётко эта позиция была обозначена Ю.В. Андроповым, сказавшим часто цитируемую фразу: мы не знаем общества, в котором живём. Особое звучание и смысл это высказывание приобретает, когда понимаешь, что оно принадлежит не просто генеральному секретарю Коммунистической партии СССР, но и председателю КГБ СССР с 1967 по 1982 год. Насколько искренне мог сказать это Андропов и что конкретно он имел в виду, говоря эту фразу (какой кадровой базе она была адресована)?

Государство в России всегда воспринималось как механизм творения истории, а творчество – как воплощение экзистенциальной идеи Русского мира – мира справедливости, которая часто выше закона [4, с. 387]. Действительно,

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

всякая модернизация в России была мобилизационной, инициированной, проводимой и контролируемой конкретными ответственными ведомствами, чаще всего – силовыми (в России вольница всегда заканчивалась бунтом, деспотизм оправдывался тем, что ослабление государства опасно наступлением смутного времени). Лишь тогда, когда невозможно обойтись без кардинальных преобразований, и для ослабления социально-политического кризиса происходит ротация, власть предержащие неохотно, но всё же делятся своими полномочиями с представителями низов, которые, в свою очередь, чтобы «подруливать», впредь становятся конформистами либо в стремлении «рулить» обществом решаются на переворот, не рассматривая иные пути развития, как будто их нет.

В этом смысле повесть Г. Владимова «Верный Руслан», изданная в 1975 г. в ФРГ, в 1989 г. в СССР, также весьма показательна – новые попытки переписать историю и образ старой интеллигенции. «Молодая шпана» нового времени и «сталинские старики» в очередной раз (как западники и славянофилы, как либералы и консерваторы, как троцкисты и коммунисты-ленинцы) сцепились над пропастью новых тем и возможностей.

Государство больше не «персонифицирует себя» с неким авторитарно-проявленным человеком (это профанация для глупцов), трансгуманизм как новая этика вообще не рассматривает ценность «человека вообще». Государственные системы всё более и более становятся инструментом для искусственного отбора полезных элементов общества. И подменившие человека творчества на креативщика, современные элиты – сами того не подозревая – обрекли себя не только на духовный голод дегуманизированного искусства, но и на вымирание, в результате деградации вида homo sapiens postmodernus.

В жизни современного российского общества превалируют адаптивные практики (вещные отношения ведут к росту безответственного индивидуализма, изменению социальности и социальных отношений, которые объективируются), что сказывается на творчестве и отношении к творческой личности. Очевидна проблема субъектности российской модернизации. Необходимо сохранение и воспроизводство творческой личности и как выразителя культурно-социальных

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ценностей, основы национального самосознания, и как личности, противостоящей потребительской личности. Вряд ли личность, живущая ради обогащения, будет задумываться о будущем общества.

Негативная мобилизация, поиск врага (внутреннего, внешнего), коллапсы (социальные, технологические) уже не определяют готовность общества к модернизации. Локомотивом модернизации может быть только творческая неординарная личность, не оторванная от социальной основы (модернизация – общее дело), иначе – все тщетно. Важно, какие цели ставит модернизационный проект (а не очередной социальный эксперимент), их усредненность, например, создание оптимального уклада жизни, не уведут страну вперед, и каковы способы его реализации. Творческая личность, отличная рефлексивной мыслью, социальной аналитикой, которые дают возможность узреть достоинства и недостатки российской общественной жизни, способна заглянуть в будущее и исключить запоздалую реакцию общества. Это позволяет ей стать социально полезной, инициируя общественные перемены, предлагая новые направления для развития разных сфер общественной жизни, оригинальные культурные и научные проекты, конституируя социальное пространство, выстроить мост доверия между обществом и государством.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Судьба России (Опыт по психологии войны и национальности). Сборник статей 1914–1917. – М., 1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyaev_sudba_rossii.pdf

2. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус; Авалонъ, 2011.

3. Поэзия Серебряного века: в 2 т. Т. 1. – М.: Дрофа, 2003. – 368 с.

4. Сметанкина Л.В. К вопросу о концептуализации конфликта достижений цивилизации как идеала категории социального и ценностей культуры как идеала категории человеческого / Л.В. Сметанкина, Л.В. Шабанов // Вестник гражданских инженеров. – 2013. – №6 (41). – С. 381–391.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

5. Сологуб Ф.К. Обутый в грязь земную [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/sologub689.html

6. Ходасевич В.Ф. Некрополь. Воспоминания, 1939 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-libra.ru/read/315909-nekropol.html

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)